

Сань Мао. Одержимость. Перевод с китайского Д.Ю. Вельмы¹

三毛. 惑. 翻译: D·Yu·韦利马

Obsession (A short story). Translation from Chinese by D.Yu. Velma

Об авторе и рассказе

Рассказ «Одержимость» (в оригинале «Хо» 惑) представляет собой значимую страницу в творчестве тайваньской писательницы Чэнь Пин 陳平 (26 марта 1943 – 4 января 1991)², более известной миру под псевдонимами Эхо Чэнь (Echo Chen) и Сань Мао 三毛³. Написанный в 1962 году и опубликованный в 15-м номере журнала «Сяньдай вэньсюэ» (現代文學, «Современная литература») в декабре того же года, этот рассказ стал литературным дебютом автора, которой на момент написания было всего 19 лет.

¹ Вельма Денис Юрьевич, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», E-mail: denisvelmanew@gmail.com

² Литературному наследию тайваньской писательницы Сань Мао посвящен ряд работ зарубежных исследователей, например, на английском языке: [Ward, 2017; Ives, Li, 2019; Kasareño, 2021; Wen, 2021; Zhen, 2022; Foscale, Galofré Pujol, 2024]. Основополагающую роль в изучении жизненного и творческого пути писательницы, однако, сыграла Мириам Ланг (Miriam Lang) из Австралийского национального университета. См.: [Lang, 1995; Lang, 1999; Lang, 2000; Lang, 2003; Lang, 2016]. На русском языке о творчестве Сань Мао можно прочесть в статье автора этих строк «До рождения Сань Мао. О раннем жизненном и творческом пути тайваньской писательницы Чэнь Пин» [Вельма, 2024], а также в публикациях С.Б. Батуевой [Батуева, 2016], С.В. Никольской [Никольская, 2021], Р.К. Баировой [Баирова, 2013], О.Л. Кореньковой и А.В. Воробьевой [Коренькова, Воробьева, 2017] и других.

³ Творческий псевдоним Сань Мао 三毛 (досл. Три волосинки, или Тридцать фэней) писательница, по одной из версий, позаимствовала у главного персонажа популярной серии комиксов Чжан Лэпина 張樂平 «Приключения беспризорника Сань Мао» («Сань Мао люлан цзи» 三毛流浪記). Согласно другой версии, Чэнь Пин могла выбрать данный псевдоним из-за своего личного отношения к собственным работам. На Тайване в то время выражение *сань мао* означало «что-то ненужное», «что-то, о чем даже не стоит и говорить», «дешевка», что отражало представления Чэнь Пин о своих работах. Псевдоним был взят в 1974 г., во время путешествия по Западной Сахаре.

Уже в первом произведении читатель без труда может разглядеть портрет самой писательницы – элементы автобиографичности впоследствии станут неотъемлемой частью авторского идиостиля, выражающегося в тесной связи личной жизни Чэнь Пин с ее творчеством. Рассказ был написан под влиянием таких литературных мастеров, как Франц Кафка, Джеймс Джойс и Вирджиния Вульф, с творчеством которых Сань Мао была знакома благодаря своему учителю Гу Фушэну 顧福生 – видному представителю новой тайваньской культуры, стоящему в авангарде ее развития. Конец 1960-х и начало 1970-х годов в целом характеризуются ростом числа переводов и популярностью писателей модернистов на Тайване. Литературные кумиры Сань Мао, такие как Чэнь Жоси 陳若曦 и Бай Сяньюн 白先勇, активно содействовали заимствованию и внедрению методов и художественного языка модернизма, а также других ключевых идей и тенденций западной (европейской) литературы в новую литературу Тайваня. Сюжет и стиль дебютного произведения молодой писательницы во многом были определены именно окружающей Чэнь Пин культурной средой.

Текст, написанный в стиле потока сознания, богатый на эллипсисы и парцелляцию, представляет собой необычный литературный опыт, раскрывающий внутренний мир автора в момент создания произведения.

«Одержимость», как и многие работы Сань Мао, обладает ярко выраженными автобиографическими чертами, отражающими реакцию Чэнь Пин на окружающий ее мир. В самом произведении автобиографизм проявляется через ряд связанных с юной девушкой и ее жизнью моментов – ее занятия живописью, проблемы с пониманием со стороны родителей и окружающих, конфликтами между ними. В рассказе также весьма детально открывается глубоко личная для самой Чэнь Пин тема – ее нестабильное душевное состояние, которое автор не просто «вкрапляет» в свой текст, но и использует как основу для всего сюжета. Говоря о сюжете, стоит отметить, что «Одержимость» носит ярко выраженный кафкианский характер. Молодая девушка становится одержима образом главной героини американского фильма «Портрет Дженни»⁴ («Portrait of Jennie») (1948) после его просмотра⁵ и обсуждения с братом. В процессе продолжительной болезни героиня понимает, что теряет чувство реальности, тогда как образ Дженни постепенно вытесняет ее из собственного тела. Автор использует резкий язык, сочетая насыщенные описания с короткими, отрывистыми фразами, что усиливает напряжение и драматизм рассказа.

Тем не менее, несмотря на свое изначальное стремление к «прогрессивности и новизне», Сань Мао вскоре отошла от основных принципов модернизма и его течений, обратившись в своем следующем рассказе «Лунная река» (*Юэ хэ 月河*) (1963)

⁴ По сюжету фильма некогда очень богатый художник Эбен Адамс (Eben Adams) встречается в Центральном парке загадочную девочку по имени Дженни Эпплтон (Jennie Appleton). Их встреча пробуждает в нем интерес к юной незнакомке, однако та вскоре неожиданно исчезает. Через некоторое время главный герой вновь встречается таинственную девушку и влюбляется в нее. Постепенно он узнает тайну Дженни – она призрак. Несмотря на это, она успевает стать для него настоящей музой, чей портрет он начинает писать. В финале фильма девушка, во время шторма, подобного тому, в котором она однажды погибла, снова приходит к главному герою в последний раз.

⁵ Весьма важно отметить, что этот фильм пользовался большой популярностью в тайваньском кинопрокате того времени и часто показывался в кинотеатрах крупных городов в 60-е годы, поэтому сюжет был знаком многим тайванцам.

уже к сентиментальной прозе⁶. Впоследствии Чэнь Пин лишь изредка возвращалась к более экспериментальным формам, что позволило критикам рассматривать ее ранние работы как «заигрывание» с этим жанром и лишь попытку привлечь внимание влиятельных деятелей культуры того времени. Однако все же справедливо полагать, что именно «Одержимость» стала мостом между Чэнь Пин и культурным миром Тайваня. Впоследствии «Одержимость» откроет вышедший в июле 1976 года второй сборник писательницы «Сезон дождей больше не наступит»⁷ (*Юйци бу цай лай* 雨季不再來), в котором собраны наиболее ранние работы, написанные в 60-е годы.

Отдельно следует рассмотреть название рассказа и его перевод на русский язык. Иероглиф 惑, вынесенный в заглавие, имеет целый ряд значений – «сомнение», «тревога», «путаница», «хаос». Однако есть и еще одно весьма интересное значение – «быть очарованным», либо «стать жертвой увлечения», что сразу же отсылает к самому сюжету рассказа. Девушка становится одержимой Дженни после того, как услышит песню из кинофильма: «Откуда я иду? Никто не знает... Но я иду туда, куда каждый из нас отправится... Завывающе дует ветер. Воды моря льются журча. Откуда я иду? Никто не знает... Но я иду туда, куда...»⁸. Главная героиня становится одержима и мелодией, и тем, кто поет эту песню. Понятие «одержимость» 惑 раскрывает идею

⁶ Более того, второй рассказ начинающей писательницы вышел в 6-м номере 19-го тома популярного и во многом «ортодоксального» журнала «Корона» (*Хуан гуань* 皇冠), который являлся полной противоположностью новаторскому журналу «Современная литература».

⁷ Сборник получил свое название в честь одноименного рассказа 1966 года, включенного в его состав.

⁸ В оригинале поется:

Where I come from
Nobody knows;
And where I'm going
Everything goes.
The wind blows,
The sea flows –
And nobody knows.

Песня также служит музыкальной темой главной героини и всего фильма. В 1970-е годы Сань Мао напишет слова одной из своих самых известных песен «Оливковое дерево» (*Ганьлань шу* 橄欖樹), которая имеет определенное сходство с «Песней Дженни» (Jennie's Theme) как в элементах мелодии, так и в создании особого настроения и эмоционального посыла. Песня Сань Мао начинается со слов:

橄欖樹

不要問我從哪裡來
我的故鄉在遠方
為什麼流浪
流浪遠方

Оливковое дерево

Не спрашивай меня, откуда я родом,
Моя родина далеко.
Почему я странствую,
Странствую в далекие края...

о том, что героиня оказалась зачарована образом из увиденного когда-то фильма, став жертвой своего же влечения.

Настоящий перевод рассказа «Одержимость» предоставляет русскоязычному читателю возможность познакомиться с самым ранним творчеством Сань Мао, а также раскрывает другую сторону ее литературного наследия, отличную от сентиментальной прозы и травелогов. Это произведение демонстрирует, что творческий путь тайваньской писательницы начался задолго до ее странствий по Сахаре в 70-е годы и выходит за пределы рамок жанров сентиментальной прозы и травелога.

Д.Ю. Вельма

Сань Мао. Одержимость⁹

Сумерки. Опустился туман. Густой, непроглядный туман.

Там за окном на столбе электропередач повис воздушный змей, оборвавший один из проводов. Стоит ветерку подуть, как он все в той же сумеречной мгле сразу начинает покачиваться взад-вперед, и кажется, что сам змей при этом пребывает в полном покое.

Смеркается. Фонари зажглись ярким желтым светом, пробивающим этот густой туман. Туман плотно ложится пеленой, окутывая все вокруг. Свет фонарей, рассеиваясь во мгле, начинает выглядеть еще более загадочно... Наступила ночь. Я сворачиваюсь в клубочек на краю кровати. Темно. Так темно! Я даже не осмеливаюсь встать и включить свет. Я лучше спрячусь в этой темноте. Именно! Я словно в бегах и скрываюсь. Но почему я скрываюсь?

Ветер врывается в комнату, принося с собой чувство прохлады, и все снова и снова звучит та песня, та непонятная песня:

«Откуда я иду? Никто не знает... Но я иду туда, куда каждый из нас отправится... Завывает ветер. Шумит морская вода»

Я начинаю махать руками, пытаюсь отогнать от себя слова этой песни, но она снова, словно несясь по ветру, застигает меня; развеваясь в этом потоке воздуха, врывается в мою комнату, и теперь они оба – ветер и песня – заполняют меня, заполняют всю меня... Пришла, она пришла ко мне. Я напугана, ужасно напугана. Я срываюсь с кровати и мчусь в комнату матери. Вся бледная, будто объелась белены, хватаюсь за мамину руку, говорю: «Мамочка! скажи мне, скажи! Я ведь не Дженни, я не Дженни! Я не она!... В самом деле... Правда?»

⁹ Настоящий перевод выполнен по харбинскому изданию рассказов Сань Мао 2003 года (см.: [San Mao, 2003]). Лишь ограниченное число произведений писательницы было переведено на иностранные языки (преимущественно на английский и испанский). На данный момент отсутствуют официально опубликованные переводы писательского дебюта автора на иностранных языках. На русский язык рассказ также переводится впервые.

Уже много дней, так много дней, я плутаю в этой иллюзии.

«Портрет Дженни» я посмотрела еще в детстве, и за все эти годы этот фильм никогда не всплывал в моей памяти так отчетливо, как сейчас. Изредка мы говорили о нем с друзьями, но я продолжаю считать его одним из самых красивых, полных горечи и нежной грусти фильмов.

Около года назад двоюродный брат позвонил мне и сказал, что услышал новость: «Портрет Дженни» вновь покажут в кинотеатрах. Я тут же перебила его и сказала, что это и правда хороший фильм, вот только о чем он, я уже и не припомню. Тогда брат, не подумав ни секунды, стал сразу напевать по телефону ту повторяющуюся снова и снова песню Дженни:

«Откуда я иду? Никто не знает... Но я иду туда, куда каждый из нас отправится... Завывает ветер. Шумит морская вода. Откуда я иду? Никто не знает... Но я иду туда, куда...»

Держа трубку телефона, я, словно околдованная, крича, встала с кровати:

«Эта мелодия!.. Да, эта мелодия... Я знаю ее. Я ее уже слышала... Правда слышала. Но нет, нет! Я слышала ее совсем не в фильме. Такое чувство, что когда-то очень давно, так давно, что не знаю когда, в каком-то незнакомом мире я ее слышала... Ведь у меня такая память, она хранит в себе недоступные для меня воспоминания. Брат! Я не дурачу тебя! В каком-то другом мире. Тамошние ветра и моря. Тамошние мрачные и таинственные песни... Не расспрашивай меня даже, брат, я ничего не скажу тебе. Только та песнь, лишь только она...»

Той ночью я заболела. Поднялся сильный жар, и песня Дженни, ее образ и голос, словно прибой, захлестнули меня. Они просачивались в мое тело, с головы до ног проникали в меня. И это чувство, которое трудно описать словами, окутывает меня. Вот он! Вот! Мир, за которым я гонюсь; родина, по которой я так тоскую.

После того, как я полностью вылечилась от той болезни, я достаточно довольно долго находилась в покое и отдыхала. Врачи разрешили мне вдоволь спать, не давая времени на какие-либо размышления и даже мельчайшего повода для тревоги. Со временем, постепенно я стала совсем спокойной, но это было только на первый взгляд. Бывали дни, когда внезапно, очертя голову, даже не получив на то мамино согласие, я хватала свои принадлежности для рисования и без промедления неслась из дома рисовать. Мама, заслышав звуки, сразу пускалась за мной вдогонку. Крепко вцепившись в мою одежду, будто моля меня о чем-то, говорила:

«Доченька, ты еще не окрепла до конца, а бежишь из дома на сильный ветер. Слышишь, что я говорю? Домой! Заходи! Слышишь?...»

И вдруг, не знаю даже почему, я внезапно начинаю рыдать. Я изо всех сил колочу в двери, сама вся белая, будто призрака увидела, кричу:

«Хватит меня воспитывать, позволь мне пойти, позволь... я хочу уйти... хочу... Ненавижу... Ненавижу вас...»

Мне так тоскливо на душе. Душно. Душно так, что вот-вот взорвусь. Мне так тоскливо... так тоскливо... Держа в руках ящичек с кистями и красками, я с порывом ветра все же покидаю свой дом.

Сажусь на обочину рисового поля и ставлю свой мольберт. Вытаращив глаза, я смотрю во все стороны. Но куда бы я ни посмотрела, везде только бесконечное белое рисовое поле и больше ничего.

Ветер подымается, мне становится холодно. Даже подняв воротник куртки, я не ощущаю тепла. И вот я начинаю немного сожалеть о своей же своенравности и грусти.

Ах! Но вот пришла Дженни! Дженни пришла ко мне! Я в спешке, впопыхах мчусь к миру, запечатленному в памяти. Вокруг лишь сплошной мрак. И кроме мрачного, расстроенного голоса Дженни, больше ничего нет. Пусто. Я и сама опустела. Я раскрываю руки и начинаю хвататься за небосвод, я мчусь в его сторону. Вокруг лишь сплошной мрак. Мне нужно найти, нужно найти что-то, найти вещь, которую не смогу потерять. Мне нужно... Вокруг темно. Все живое перестает существовать. Кроме Дженни... Дженни...

Неделю спустя после одурманившей меня болезни, я с грохотом встала с кровати. Доктор, отец и мать установили для меня ряд правил. Теперь мне разрешалось заниматься живописью, читать книги, слушать пластинки только дома. Мне отныне было запрещено бесцельно бродить по округе. Они говорят мне, что я больна (а я больна?). Спустя некоторое время мне запретили много думать и читать. Было запрещено упрямиться и злиться, а также плакать без всякого на то повода. И то нельзя, и это... Все было запрещено. И вот, после месяца взаперти я все же вышла за порог дома в первый раз. Мама повела меня в больницу Тайваньского государственного университета. Она сказала, что там есть хороший доктор, он может меня вылечить. Так, шагая дальше и дальше от дома, мы дошли и до дверей отделения психиатрии. Перепугавшись, я сразу же застыла на месте. Неужели... я...?

Мама оставила меня наедине с врачом. Он, стараясь вести себя, как друг, спросил: «Ты рисуешь?»

Я начала кивать головой, соглашаясь, но при этом испытывая ужасное отвращение к этому человеку, делающему вид, будто он сочувствует мне. Ведь отношения между мной и Дженни – вовсе не болезнь. Он снова, изображая из себя такого профессионала своего дела, улыбаясь спросил:

«Ты рисуешь картины в стиле... Ах, как его там... не понимаю этот стиль... импрессионизм?»

Я просто-напросто не могла этого вынести. Не выдержав больше, я встала и сказала ему:

«Импрессионизм – одно из направлений в живописи XIX века, и не имеет ничего общего с сегодняшним абстракционизмом. Вы, даже не зная таких простых вещей, собрались лечить меня. А я ведь еще живой человек. И не нужно так смотреть на меня».

То, что у нас с Дженни, – не болезнь и не расстройство. Я понимаю, все ясно понимаю – у меня лишь слабый организм, а вовсе не болезнь.

Дженни по-прежнему постоянно навещала меня. Навещала в ночной тиши, сумерках, когда шел дождь, на рассвете, когда еще было темно и даже в унылый полдень... Она говорила с каждым разом все больше и больше, не забывая про свою песню и свойственный только ей аромат. Раз за разом я проваливалась в тот неведомый мир, чтобы отдохнуть, а потом снова нестись и искать, нестись и искать... Просыпаться я стала вся в поту. Даже после сна я все еще была дико уставшей. Я словно потерялась в песне Дженни. Я поняла, что сошла с ума. Я ощутила, что тону в своих же муках. И, несмотря на это, я испытываю от того мгновения, когда я тону, ощущение незабываемого счастья и чувство ужасно противоречивой грусти.

Я не знаю, когда это началось, но я была опьянена настолько, что не могла более освободить себя от оков того мира. И, хотя я была напугана, я противоречила сама себе. Я не могу выразить словами свою одержимость таким странным видом наслаждения. Невзирая на время суток, я продолжаю бежать, продолжаю искать. Но я понимаю, что теперь я едина с Дженни. Мы слились с ней воедино. Я это знаю. Это действительно так. «Дженни!» «Дженни!» Я продолжаю кричать.

Теперь каждые вторник и пятница стали днями прививок. Вечерами я брала ампулы с лекарством и, предупредив домашних, шла к дядюшке Чжану – врачу, заботящемуся обо мне с самого детства. Пристально взглянув на меня, он заключил: «Деточка, ты снова похудела»

И тут я начала паниковать, словно было раскрыто какое-то мое преступление. Что же я опять сделала не так? Опустив голову, я, едва шевеля губами, проямлила:

«Дядюшка Чжан, у меня бессонница, Вы знаете, что мне не заснуть, а от сновидных нет никакой пользы»

Он приподнял мой подбородок и все тем же мягким и спокойным голосом спросил: «Почему ты так несчастна?»

«Я несчастна? Разве? Дядюшка Чжан, Вы не правы. Я счастлива, счастлива... Правда... То, что Вы считаете, что мне нехорошо, звучит как шутка. Дженни пришла, Вы знаете, Дженни пришла. Мне так хорошо, так хорошо... Нет, я не прекратила нестись сломя голову, но мне хорошо... И это правда... Разве я страдаю? Немного... Но разве это плохо? Я... Ах! Боже, не смотрите же так на меня! Дядюшка Чжан, я правда не больна... Мне хорошо... Со мной все хорошо...»

И тут я осознала, что без остановки вся в слезах говорю в какой-то истерике. Я не в силах больше сдерживать свои чувства. Я не в силах молчать. Дядюшка Чжан молча взял меня за руку и велел возвращаться домой. На прощание своим убаюкивающим голосом он лишь добавил: «Дитя, ты больна, больна. Нет никакой Дженни, Дженни нет. Тебе нужно успокоиться, успокоиться... Ты больна...»

Уколы, лекарства, сеансы психотерапии, успокоительные, чрезмерное внимание родных – ничего не помогало. А Дженни продолжала жить внутри меня. И тут я почувствовала, что Дженни не только овладевает мной, но и скоро вовсе заменит меня. Вытеснит меня из моего же тела. Однажды, в один прекрасный день, я исчезну. Исчезну, не оставив какого-либо следа. Исчезну бесследно. Я живу не своей жизнью, я уже прекратила существовать. Я вот-вот исчезну....

Снова и снова в какой-то непонятной борьбе я повторяла себе: «Дженни, нам нужно расстаться! Нам пора разойтись!»

Но Дженни не отвечала на мои просьбы, лишь только напевала мне своим призрачным голосом песню:

«Откуда я иду? Никто не знает... Но я иду туда, куда каждый из нас отправится... Завывающее дует ветер. Воды моря льются журча. Откуда я иду? Никто не знает... Но я иду туда, куда каждый из нас отправится...»

Ох, Дженни! Я пришла. Я пришла за тобой! И вот Дженни бросается с порывом ветра на меня. И я снова, не в силах противостоять, безропотно погружаюсь в ее мир. Погружаюсь в этот мрачный, абсолютно пустой мир. Я снова несусь сломя голову... ищу... Я будто одержима этим падением и самоистязанием. Я не могу освободиться.

«Откуда я иду? Никто не знает... Но я иду туда, куда каждый из нас отправится... Завывающе дует ветер. Воды моря льются журча. Откуда я иду? Никто не знает... Но я иду туда, куда каждый из нас отправится...»

Дженни! Дженни! Я здесь! Я пришла к тебе...

Библиографический список

Баирова Р.К. Творчество тайваньской писательницы Сань Мао на примере произведений «Немой раб» и «Смерть незнакомца» // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. 2013. №. 6. Сс. 54–56.

Батуева С.Б. Личность Сань Мао // Азиатско-Тихоокеанский регион: история и современность. Улан-Удэ: Бурятский государственный университет. 2016. Сс. 162–163.

Вельма Д.Ю. До рождения Сань Мао. О раннем жизненном и творческом пути тайваньской писательницы Чэнь Пин // Женщины Китая. Памяти Э.А. Синецкой. В 2 т. Т. I. / Коллектив авторов; отв. ред. И.В. Белая. М.: ИВ РАН, 2024 (в печати).

Коренькова О.Л., Воробьева А.В. Проблема взаимодействия западной и восточной культурных традиций в рассказе Сань Мао «Бесчувственность западного мира» // Международные отношения: история, теория, практика: материалы VII научн.-практ. конф. молодых ученых, фак-т международных отношений БГУ. Минск: БГУ, 2017. Сс. 261–264.

Никольская С.В. Особенности межкультурной коммуникации, отраженные в творчестве китайской писательницы Сань Мао // Новый Язык. Новое Мышление. М.: Дипломатическая академия МИД России. 2021. Сс. 632–635.

References

Bairova R.K. (2013). Tvorchestvo tayvanskoy pisatel'nitsy San' Mao na primere proizvedeniy "Nemoy rab" i "Smert' neznakomtsa" [The Work of Taiwanese Writer San Mao on the Example of "Silent Slave" and "Death of a Stranger"]. *Interpretatsiya teksta: lingvisticheskiy, literaturovedcheskiy i metodicheskiy aspekty*. N 6. Ss. 54–56. (In Russian).

Batuyeva S.B. (2016). Lichnost' San' Mao [The Personality of San Mao] // *Aziatsko-Tikhookeanskiy region: istoriya i sovremennost'*. N 10. Ss. 162–163. (In Russian).

Koren'kova O.L. & Vorobyeva A.V. (2017). Problema vzaimodeystviya zapadnoy i vostochnoy kulturnykh traditsiy v rasskaze San' Mao «Bescuvstvennost' zapadnogo mira» [The Problem of Interaction Between Western and Eastern Cultural Traditions in San Mao's Story "The Insensitivity of the Western World"]. *Mezhdunarodnye otnosheniya: istoriya, teoriya, praktika: materialy VII nauch.-prakt. konf. molodykh uchenykh fak. mezhdunar. otnosheniy BGU. Minsk: Belarusian State University*. Ss. 261–264. (In Russian).

Nikolskaia S.V. (2021). Osobennosti mezhkul'turnoy kommunikatsii, otrazhennye v tvorchestve kitayskoy pisatel'nitsy San' Mao [Features of Intercultural Communication Reflected in the Works of Chinese Writer San Mao] // *Novyi Yazyk. Novoe Myshlenie*. Moscow: Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. Ss. 632–635. (In Russian).

Velma D.Yu. (2024). Do rozhdeniya San' Mao. O rannem zhiznennom i tvorcheskoy puti tayvan'skoy pisatel'nitsy Chen' Pin [Before the Birth of San Mao. On the Early Life and Creative Path of Taiwanese Writer Chen Ping]. *Zhenshchiny Kitaya. Pamyati E.A. Sinetskoy*. V 2 tt. T. I. / Koll. Avtorov; otv. red. I.V. Belaya. M.: IV RAN, 2024 (In press). (In Russian).

* * *

Foscale G. & Galofré Pujol M. (2024). Literary tourism in the Canary Islands: the legacy of Sanmao. *Journal of China Tourism Research*. Vol. 20. Issue 1. Pp. 1–25.

Ives M., Li K. (2019). Overlooked No More: Sanmao, 'Wandering Writer' Who Found Her Voice in the Desert. *The New York Times*. Oct. 23.

Kasarekło L. (2021). Introducing Taiwan Chinese Contemporary Short Stories in Poland: Cultural Contexts, Fields of Representation and Equivalence. *Roczniki Humanistyczne*. No. 69 (9). Pp. 159–174.

Lang M. (1995). San Mao goes shopping: travel and consumption in a postcolonial world. *East Asian History*. No. 10. Pp. 127–164.

Lang M. (1999). San Mao and the known world. Canberra, Australian National University, 1999. 398 p.

Lang M. (2000). San Mao Makes History. *East Asian History*. 2000. No. 19. Pp. 145–180.

Lang M. (2003). San Mao and Qiong Yao, a "popular" pair. *Modern Chinese literature and culture*. No.15 (2). Pp. 76–120.

Lang M. (2016). *Taiwan Romance: Qiong Yao and San Mao*. The Columbia Companion to Modern Chinese Literature. New York, Columbia University Press. Pp. 280–285.

San Mao 三毛 (2003). *Yuji bu zailai 雨季不再來 [The Rainy Season will not Come Again]*. Ha'erbin, Ha'erbin Publishing House. Pp. 3–9. (In Chinese).

Ward S. (2017). San Mao: Oasis or Mirage? The Phenomenon of the "Chinese Woman of the Desert". Pittsburgh, University of Pittsburgh. 126 p.

Wen H. (2021). Emotion and empowerment—romantic love in Taiwanese writer San Mao's wandering literature and life. *The Routledge Companion to Romantic Love*. New York, Routledge. Pp. 304–320.

Zhen G. (2022). Sanmao's Literary Creation Style. *International Journal of Languages, Literature and Linguistics*. Vol. 8. No. 4. Pp. 274–283.

Поступила в редакцию: 20.11.2024. Received: 20 November 2024.

Принята к публикации: 03.12.2024. Accepted: 03 December 2024.